
Джессика Хутен
США

НАПОМИНАНИЕ ОБ ИСТИНЕ БОЖЬЕЙ В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ»¹

*Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост.
Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 216–222*

Александр Солженицын считал «Красное Колесо» «своим наиболее важным литературным предприятием»², которое было призвано вскрыть истинные корни революции 1917 года. Решив эту задачу, писатель смог бы сорвать покров тайны с того, что для него явилось самой чудовищной трагедией XX века. В своей эпопее он обнаруживает её причины, тем самым предостерегая другие народы от национальной катастрофы такого масштаба. В предисловии к укороченной версии «Архипелага ГУЛАГ» автор написал: «Увы, все бедствия XX века могут повториться где угодно на земле», добавляя затем: «И всё же я не оставляю надежды, что люди и народы, несмотря ни на что, окажутся способны научиться на примере других, а не обязательно на своём собственном опыте».

Прежде всего, в Узле II своего «повествования», в «Октябре Шестнадцатого», Солженицын старается показать, как потеря «Божьей истины»³, по выражению автора, привела к революции. Ещё в Темплтоновской лекции (1983) Солженицын утверждал: «Если бы от меня потребовали назвать кратко главную черту в с е г о XX века, то и тут я не найду ничего точнее и содержательнее, чем “Люди — забыли — Бога”»⁴. При этом он подчёркивает, что утрата исторической памяти не произошла в одночасье. Определяя этапы постепенного её отмирания, Солженицын делает точкой отсчёта внутренний раскол, отделивший старообрядцев от Православной церкви. Затем он упоминает внедрение Петром I философских идей Просвещения как ещё один удар по традиционной вере русского народа. В итоге, по его мнению, к XX веку русские люди утратили способность различать истину и ложь, и потому образованная часть общества подпала под обаяние марксистской «ненависти к Богу»⁵.

Хотя в данном случае Солженицын описывает исторический процесс применительно к народу в целом, он убеждён, что личности определяют судьбы нации, а не наоборот. В самом начале «Октября Шестнадцатого» рассказчик размышляет: «Но если движение человечества не складывается из подлинной жизни людей — что тогда люди? и что — человечество?» (9; 26). В данном Узле, насчитывающем тысячу страниц и описывающем немало событий и мрачных исторических фигур, всего около двадцати страниц отведено сцене, содер-

жащей разговор двух вымышленных персонажей: армейского священника о. Северьяна и подпоручика Сани Лаженицына, в образе которого Александр Исаевич видел собственного отца. Поздним вечером эти двое обсуждают множество кажущихся не связанными друг с другом тем, но их беседа так или иначе всё равно возвращается к проблеме истины, а точнее, «истины Божьей».

Если Солженицын и впрямь полагал, что утрата веры в Бога открыла революцию путь в Россию, то данный разговор весьма значим для осознания того, как именно это произошло. Собеседники рассуждают об ответственности русского народа за дурное отношение к старообрядцам, об этике Льва Толстого, о порочности войны и о природе религии. В самом предмете их разговора кроется немало ключей к пониманию того, как народ потерял веру, — но и сама художественная форма диалога подсказывает, как нужно доискиваться правды. В отличие от прозаического исторического повествования, этот диалог обнаруживает, сколь велика роль литературной формы, как она воздействует на читателей, рождая в их душах личное сопереживание и открывая им глаза на то, каким может оказаться вклад отдельных личностей в судьбы целого мира.

Сердцевину беседы составляют сочувственные размышления о старообрядцах, «в ком колотится правда» (9; 52), и попытка постичь многоликую, как в народной сказке, «Правду-матушку» (9; 65). Разговор призван напомнить читателю, что только истина может укрепить нас перед лицом сил лжи. В своей Нобелевской лекции Солженицын настаивал, что природа искусства состоит в отражении истины: «Против многого в мире может выстоять ложь — но только не против искусства»⁶. По его словам, «произведение художественное свою проверку несёт само в себе: концепции придуманные, натянутые не выдерживают испытания на образах: разваливаются и те и другие, оказываются хилы, бледны, никого не убеждают. Произведения же, зачерпнувшие истины и представившие нам её сгущённо-живой, захватывают нас, приобщают к себе властно, — и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать»⁷.

Ложь не просто крошится в прах под пером художника — писатель способен передать этот опыт своей аудитории. Солженицын исходит из того, что искусство в силах увлекать и преображать тех, кто с ним сталкивается, и могущество это зиждется на истине, которую искусство в себе несёт.

Подлинное искусство — это не просто кладёзь исторической правды, хотя именно в этом своём качестве оно играет ключевую роль в формировании единства и духа нации. Но отражением человеческого опыта функции искусства не ограничиваются. Нобелевскую лекцию Солженицын начал с размышлений о том, что имел в виду Достоевский, когда заявлял: «Мир спасёт красота». По его мнению, раз красота составляет «старое триединство»⁸ вместе с добром и истиной, то обретение красоты одновременно подразумевает и обретение истины. И потому завершает Солженицын свою лекцию русской поговоркой «Одно слово правды весь мир перетянет»⁹, напоминающей слова

Христа, которые о. Северьян приводит в разговоре с Саней: «Не бойся, малое стадо, ибо я победил мир!» (9; 64). Подлинное искусство, в том числе искусство слова, которым владеет Солженицын, ни много ни мало, но открывает истину, подчинившую себе мир.

Беседа священника и офицера начинается с дискуссии о старообрядцах потому, что о. Северьян только что попытался исповедовать и причастить перед смертью солдата Чевердина, который как раз был старовером. Умиравший отверг его помощь, и священник сетует на то, как Россия обходится со старообрядцами: «Тело их — мы требуем через воинского начальника. Россию защищать — тут они нашего лона. А душа — не нашего» (9; 51). Он не разделяет отношения Российского государства к их телам и Православной церкви — к их душам: для о. Северьяна это две стороны общего восприятия старообрядчества русским обществом.

Пока священник размышляет о непоследовательности этого восприятия, Саня вспоминает, как он бывал в старообрядческом храме в Москве. Его мысленному взору молящиеся предстают «ангелами»: «Исконное обличье трёхвековой давности, уже несовременная степенность, а вместе и благодушие — к нам!..» (там же). Видя, как три тысячи верующих «в миг единый» осеняют себя крестным знаменем, он проникнулся ощущением: «это мы все — преходим, а они — не пройдут» (9; 52). Так описывая старообрядцев, Солженицын стремится показать, что их упорство сохранило цельность старой веры. Когда писателю довелось посетить общину старообрядцев в Орегоне, его не впустили в тамошнюю церковь, но он лишь «восхитился их упрямством по этой части»¹⁰. И в этом с Солженицыным согласен и его Саня, когда доказывает священнику: «В наш век, когда так многое меняется, перепрокидывается, — свойство цепко держаться за старое мне кажется драгоценным» (9; 53).

Хотя старообрядцы и стали причиной раскола и Церкви, и русского народа, они преданы истине и вере, которую, как они опасались, могут поколебать изменения в обряде. Саня настаивает на необходимости духовного единения со староверами, ибо христиане не могут быть разделены. Он убеждён: «При разделении христиан — никто не христианин, никакой толк» (там же). Для о. Северьяна, впрочем, разделение это — часть более глубинного отступления от истины. Он уверяет Саню, что такие потрясения происходят на протяжении веков во всех странах, поскольку «человечество отходит от Бога» (9; 53–54). В этих словах слышится отзвук взглядов, подробно изложенных Солженицыным в его Темплтоновской лекции. Там писатель утверждал, что внутренний раскол Православной церкви ослабил Россию, и в итоге вера, которая некогда «была объединяющей и крепящей силой нации <...>, испарилась из кругов образованных»¹¹. Только общество, лишённое веры, способно воспринять власть, основанную на «ненависти к Богу». И хотя Солженицын и скорбит о расколе, ставшем итогом поведения старообрядцев, он высоко ценит их неизменную твёрдость в вере.

Саня признаётся о. Северьяну, что сомневается в собственной вере. Он не может более полагать, что «учение Христа будто рецепт, как счастливо жить на этой земле <...>» (9; 55), но всё же продолжает креститься, особенно во время боя. Эта его естественная и непровольная реакция на угрозу смерти даёт священнику надежду, что «не потеряна вера в России!» (9; 56). По мнению о. Северьяна, причина сомнений Сани не в переживании раскола, но в его прежнем увлечении идеями Льва Толстого. Когда он спрашивает Саню, не приходило ли тому в голову, что Толстой, этот великий мыслитель, вовсе не христианин, юноша искренне «изумился» (там же). И далее возникает спор, можно ли считать Толстого христианином.

Отец Северьян старается показать Сане, что Толстой выбрасывает из христианского вероучения большую часть Евангелий, что он отрицает всю церковную обрядность. По его словам, Толстой «просто новую религию создаёт», беря «от религии, так и быть, этику — на это и интеллигенция согласна» (9; 57). Как полагает священник, великому писателю «хочется людей спасти — безо всякой Божьей помощи» (9; 58). В «Братьях Карамазовых» Достоевского Великий Инквизитор дьявольские намерения подчинить себе людей маскирует личиной христианского альтруизма. Инквизитор как будто стремится реализовать идею, высказанную Рубиным в главе 72 «В круге первом»: «возродить христианские храмы без Христа»¹². Толстовский проект «христианства без Христа», с точки зрения о. Северьяна, пришёлся «по общественному ветру», и либеральная общественность приняла его «из политического задора» (9; 57), поскольку он отвергает наше «собственное безсмертие, нашу собственную причастность к Божьей сущности <...>» (9; 58), а с ними и само представление о душе. В своём исследовании, посвящённом идеям Солженицына и конституционной демократии, Роберт Крайнак утверждает: «Без идеи души и величия, в ней заключённого, не мыслима никакая справедливость в политике: нет никакой разумной причины обращаться с другими людьми достойно и порядочно, а не как с дикими зверьми»¹³. Игнорируя всё, что есть в человеке вечно-го, Толстой тем самым создаёт благодатную почву для любого политического режима, стремящегося унижить и подчинить своих подданных.

Но в принципе толстовство русские могли принять лишь постольку, поскольку вера в их душах уже была поколеблена. Оттого и восклицает о. Северьян: «Как же должно упасть понимание веры, чтобы Толстой мог показаться ведущим христианином!» В восприятии идей Толстого образованной общественностью священника прежде всего возмущает безоглядность их приятия: «<...> кто из философов отвечал Толстому — того публика не читает» (9; 57). Общество готово согласиться с ложной верой, даже не ставя под сомнение истинность её постулатов. Полифонический диалог о. Северьяна с Саней создаёт намеренный контраст по сравнению с привычным монологом Толстого. В своей книге «Традиционное воображение Солженицына» Джеймс Кёртис пишет: «В противовес Толстому Солженицын и Достоевский акцентируют

принадлежность своего труда к области искусства, всячески подчёркивая его художественные свойства и создавая сложную сеть литературно-художественных ассоциаций»¹⁴. И на протяжении всего разбираемого нами эпизода, в котором его персонажи беседуют о Толстом, Солженицын своей художественной манерой менее всего напоминает Толстого.

Изображая, как два человека открыто беседуют и спорят друг с другом, Солженицын демонстрирует способ, с помощью которого следует избегать самонадеянного присвоения права на истину. Причина раскола коренится в гордыне. Отец Северьян пеняет Толстому за гордость, ибо тот «не захотел покорно войти в общую веру» (9; 57). Пусть и не в такой мере, как Толстому, но и старообрядцам с их приверженностью старым обрядам также можно адресовать упрёк не только в «упрямстве», но и в «гордыне». Их пренебрежительное отношение к Церкви перешло и к другим — и потому студенты, подобные Сане, обычно не готовы прислушиваться к священникам. Хотя сам Саня и жаждет, чтобы приверженцы веры вновь «владели духом человечества», он ставит в вину большинству конфессий их агрессивную заносчивость: «— И ещё в этом проигранном мировом положении — зачем каждое исповедание настаивает на своей исключительности и единственной правоте?» (9; 65). Людской разлад относительно «истины Божьей» и возник из-за гордости, и подогревается ею.

Рассказчик иллюстрирует этот разлад сказкой о «Правде-матушке». Когда семеро братьев увидели её с семи разных сторон, каждый стал описывать её по-своему и в спорах «за неправду рубили друг друга мечами булатными, все легли до единого, и умирая — сыновьям наказывали рубиться до смерти ж...» (9; 65–66). Этой притчей Солженицын предупреждает своего читателя: убеждённость в том, что твоя личная, ограниченная правда есть истина в последней инстанции, неизбежно разжигает насилие и поощряет его. В то время как двое собеседников обсуждают распад христианской веры, они слышат снаружи грохот канонады. Тем самым в повествовании смыкаются религиозная распря и государственное насилие, а разрывы снарядов становятся «подтверждением, что — упущено. Что христиане рвали друг друга на части» (9; 53). Сане не по душе высокомерное желание большинства религий утвердить своё превосходство, но о. Северьян настаивает, что вера должна покоиться на убеждении, «что она — абсолютно истинна» (9; 65), и при этом голос его «призвывает» сталью, будящей отзвук в истории о семи братьях. Вокруг этих двоих бушует война — а они сидят и толкуют друг с другом целую ночь: «Соединил их случай, ночной покой, душевная расположенность» (9; 64). И пулёмётные очереди вдалеке только контрастно оттеняют мирное согласие этой пары — несмотря на всю разность их мнений.

Эти двое выбирают мир вопреки окружающему их насилию и раздору. Они спорят не о том, как должно вести себя Церкви, что должны предпринимать правительства или следует либо нет народам вести войны друг с другом. Вопрос в том, совершил ли каждый из них правильный выбор, присоединив-

шись к этой битве. Саня страшится, что, пойдя на фронт добровольцем, он принял на себя «все грехи здешние и все убийства здешние» (9; 59), и опасается, не лежит ли такая же — или даже бóльшая — вина на о. Северьяне, который освящает происходящее на войне своими обрядами. На это священник возражает, что подлинный выбор — это не мир или война, а «мир в сердцах — или зло в сердцах» (9; 63).

Они способны мирно беседовать, поскольку относятся друг к другу со смирением. Для о. Северьяна смирение — одно из «главных духовных приобретений личности» (9; 58), и Саня в своей полемике тоже старается соответствовать этому требованию. На протяжении всего разговора он стремится приблизиться к истине. Он больше задаёт священнику вопросов, нежели излагает собственные соображения. А когда он всё же решает высказать своё суждение о предмете спора, то делает это медленно, прислушиваясь, «нет ли ошибки». «Само произнесение мысли было и проверкой её <...>» (9; 55). В изображении Солженицына Саня в разговоре «не вёл уверенным сильным чувством» (там же) и, по замечанию рассказчика, «когда уступал встречным доводам, то не досадливо, а как будто даже радостно» (9; 64). Такая открытость новым идеям и отсутствие самонадеянной убеждённости в правоте собственных представлений подчёркивают смирение, свойственное этому герою. И хотя о. Северьян и отвечает Сане «очень уверенно» (9; 54) и всецело предан христианскому вероучению, он кротко воспринимает вопросы и возражения собеседника, внимателен к нему и «прислушлив» (9; 60) ко всем нюансам их откровенной дискуссии.

Звуча по отдельности, эти два голоса создают ту многомерность, которую Солженицын стремится придать своему повествованию. Автор выбирает такую полифоническую форму, чтобы его персонажи оказались способны доискиваться правды и доносить её до читателя. Конечная цель разговора о. Северьяна и Сани состоит в том, чтобы напомнить нам: за фасадом любого исторического события, любой политической акции кроется иная, куда более сокровенная истина. Их беседа заканчивается историей раздора семи братьев: «А видели-то все — одну и ту же Правду, да не смотрели хорошо». Братья подобны Понтию Пилату, который вопрошал: «Что есть истина?», а она стояла перед ним, воплощённая в Христе. «Октябрь Шестнадцатого» предупреждает своих читателей об опасности, подстерегающей нас на каждом шагу, — не распознать истину, когда она перед глазами.

Примечания

¹ Перевод с англ. Н. Гринцера.

² См.: Ericson E.E., Klimoff A. Soul and Barbed Wire: An Introduction to Solzhenitsyn. Wilmington: Intercollegiate Studies Institute, 2008. P. 150.

³ См.: Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Время, 2007. Т. 9. С. 65. Далее цитируется это

издание с указанием в скобках тома и страниц; сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁴ *Солженицын А.И.* Темплтоновская лекция (1983) // *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 447.

⁵ См. там же. С. 450.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ См. там же.

⁹ См. там же. С. 25.

¹⁰ См.: *Thomas D.M.* Alexander Solzhenitsyn: A Century in His Life. N.Y.: St. Martin's Press, 1998. P. 450.

Ср. описание этого эпизода самим Солженицыным чуть с другими эмоциями: «Тут и Вознесение выпало. Накануне утром, 11-го, поехали на службу в храм к беспоповцам <...>, но там нас встретили сурово до горечи: в сам храм не пустили, наибольшая уступка — стоять в притворе» (*Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978) // *Новый мир.* 1998. № 11. С. 127). — *Примеч. перев.*

¹¹ *Солженицын А.И.* Публицистика. Т. 1. С. 449.

¹² *Солженицын А.И.* В круге первом. М.: Наука, 2006. С. 438.

¹³ *Kraynak R.P.* Christian Faith and Modern Democracy: God and Politics in the Fallen World. Notre Dame: Notre Dame University Press, 2001. P. 272.

¹⁴ *Curtis J.* Solzhenitsyn's Traditional Imagination. Athens: Georgia University Press, 2008. P. 94.